

**ВКЛАД А. Х. МАРГУЛАНА В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ КАМЕННОЙ СКУЛЬПТУРЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА**

Л. Н. Ермоленко, А. Д. Касенова

**A. KH. MARGULAN'S CONTRIBUTION TO THE RESEARCH OF ANCIENT STONE SCULPTURE
OF CENTRAL KAZAKHSTAN**

L. N. Ermolenko, A. D. Kasenova

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 33.1175.2014К.

В статье анализируются работы основоположника казахстанской археологии А. Х. Маргулана, специально занимавшегося исследованием древних монументальных памятников – менгиров, до сих пор недостаточно изученных. С целью оценить исследовательский вклад А. Х. Маргулана анализируются опубликованные им многочисленные сведения о менгирах, принципы и результаты систематизации материала, подход к атрибуции. Авторы, с одной стороны, приходят к выводу о несомненной источниковедческой ценности работ А. Х. Маргулана, с другой, о необходимости целенаправленного документирования менгиров на уровне требований современной полевой методики.

The paper analyses works of the founder of Kazakh archaeology, A. Kh. Margulan, who focused his research on ancient monuments – menhirs, which have not been studied well enough so far. To evaluate A. Kh. Margulan's research contribution, the authors review numerous data on menhirs published by him as well as the principles and results of material systematization and approaches to attribution. On the one hand, the authors come to the conclusion that A. Kh. Margulan's works are undoubtedly valuable as an abundant source of original material, on the other hand, they stress the need for systematic recording of menhirs to be held on the level required by contemporary field techniques.

Ключевые слова: менгир, олений камень, изваяние, Центральный Казахстан, А. Х. Маргулан.

Keywords: menhir, deer stone, statue, Central Kazakhstan, A. Kh. Margulan.

Алькей Хаканович Маргулан (1904 – 1985 гг.), выдающийся казахский археолог, внёс существенный вклад в исследование каменных изваяний Центрального Казахстана. Их выявление и документирование производилось в ходе работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, которой А. Х. Маргулан руководил с 1946 по 1974 гг. Большинство изваяний, введённых исследователем в научный оборот, – памятники средневековых кочевников времён господства тюрков и кыпчаков. Обращение специалистов к научному наследию А. Х. Маргулана продиктовано не только продолжающимся изучением средневековых изваяний, но и необходимостью выделения в каменной скульптуре Сарыарки (Казахский мелкосопочник) более ранних памятников – оленных камней и изваяний сакской эпохи. Представляют также интерес взгляды А. Х. Маргулана на происхождение традиции антропоморфной каменной скульптуры, сформулированные им при рассмотрении самых древних монументальных памятников Сарыарки – менгиров, представляющих собой вкопанные в стоячем положении продолговатые, обычно необработанные камни. (Для обозначения уплощенных или столбообразных менгиров используется синонимичный термин «стела».)

Попытка анализа опубликованных А. Х. Маргуланом данных о менгирах была предпринята в последнее время С. А. Ярыгиным [14]. Ввиду отличия результатов нашего анализа от полученных С. А. Ярыгиным, считаем необходимым остановиться на них подробнее.

По нашим подсчётам, А. Х. Маргуланом было обнаружено более 100 менгиров. Точное число установить невозможно, поскольку не для всех местонахождений оно указано (группы менгиров в долинах рек Аккойтас, Байгана и др.), а иногда, как в случае памятника Аксай III, сообщается лишь о «значительном количестве» объектов и т. д. [5, с. 279, 281, 284].

А. Х. Маргулан выделял по признакам формы и сечения монолита четыре наиболее распространённых типа менгиров. Обобщая сформулированные в разных местах авторского текста признаки типов, их можно охарактеризовать следующим образом. Тип 1 – округлые (*в сечении?* – *Авт.*) неправильной формы; тип 2 – прямоугольные в сечении с остроугольной или плоской верхушкой; тип 3 – уплощенные со скошенным (зооморфные) либо треугольным завершением, тип 4 – уплощенные с полукруглым («полуциркульным», по терминологии Маргулана) верхом [5, с. 277, 281]. Для типов 2 – 4 также учитывался признак размера в высоту, однако не конкретизированный в цифрах (типы 2, 3 – «высокие», тип 4 – «средние» и «малые»). Между тем в работе есть данные, не согласующиеся с систематизацией менгиров по высоте. Так, автор подчёркивает «подлинно циклопические» размеры менгиров с округлым верхом из урочища Колденен, достигающих в высоту 3 – 4 м, ещё один менгир «полуциркульного типа» из предгорий Актау (Сымтас) имеет высоту 3,5 м [5, с. 280 – 283]. К сожалению, размеры менгиров не указаны примерно для половины характеризующихся в работе местонахождений памятников.

Все менгиры А. Х. Маргулан подразделял на два вида: групповые и одиночные. По данным исследова-

теля, группа менгиров может насчитывать от 2 до 15 и более объектов. Наиболее крупные группы менгиров зафиксированы в Актогайском районе современной Карагандинской области – в долине реки Нуртай (урочища Кызыл-Шоки, Канаттас, Темир-Астау), а также в горах Кызыл-Арай (урочище Колденен) и в Жанааркинском районе – в долинах рек Сартабан и Атасу (урочище Койшоки) [5, с. 278 – 281, 283, 284, 286, 287].

А. Х. Маргулан выявил несколько вариантов взаимного расположения менгиров, объединенных в группы. В плане такие менгиры могут образовывать «незамкнутый круг», треугольник, составлять ряд или аллею из «параллельных рядов» [5, с. 277]. К наиболее ранним памятникам исследователь отнёс, например, группу в урочище Кызыл-Шоки. Здесь менгиры из необработанных глыб мергеля устроены наподобие аллеи, в которой, согласно автору, насчитывается 15 объектов [5, с. 278, рис. 199 – 201].

Две группы в урочище Канаттас на левом берегу р. Нуртай отличаются тем, что менгиры в них установлены по три вместе, образуя в плане треугольную конфигурацию (по определению Маргулана, «несомкнутый круг») [5, рис. 202]. Построением в виде «незамкнутого круга» диаметром 6 – 6,5 м характеризуются четыре группы менгиров (по 7, 9 объектов) в урочище Темир-Астау. Группы менгиров располагаются цепочкой, идущей в широтном направлении. С. А. Ярыгин вместо маргулановского названия конструкции «незамкнутый / несомкнутый круг» использует термин «кольцевая оградка» [14, с. 409], хотя точнее было бы назвать её кромлехом. При исследовании одной из групп менгиров в урочище Темир-Астау был заложен раскоп, в котором на глубине 0,6 м выявлено скопление золы и угля, найдены кости животных [5, с. 279].

Заканчивая характеристику групповых менгиров, отметим, что их количество в группах нередко представлено числами, которые в традиционной культуре разных народов обычно наделяются особым, магическим смыслом. Встречаются группы из двух, чаще – трёх, семи, а также девяти и более менгиров. Хотя вопрос о количестве менгиров в группах требует уточнения, поскольку А. Х. Маргулан в некоторых случаях указывает, что первоначально их численность была большей [5, с. 278, 287].

Одиночные менгиры выявлены А. Х. Маргуланом в разных районах Центрального Казахстана, немало их сосредоточено в Жанааркинском районе (долина р. Аксай) [5, с. 284]. В Шетском районе (горы Бугулы) распространены прямоугольные в сечении менгиры [5, с. 281].

Многие из одиночных менгиров, по мнению исследователя, имеют зооморфную форму, ассоциирующуюся с образами животных – коня, верблюда, медведя, но чаще их завершение напоминает задранную морду барана, Почти все менгиры, которые А. Х. Маргулан атрибутирует как зооморфные, представляют собой уплощенные камни (стелы) со скошенным в профиль верхом.

В раскопе, заложенном у основания одиночного «бараньего камня» (каз. *койтас*) в долине р. Шопа, были найдены два каменных орудия типа кайла (гл.

0,4 м), прослежен прокаленный грунт [7, с. 155; 5, с. 281]. А. Х. Маргулан предположил, что орудия были оставлены «древними рудокопами» в качестве жертвы при установке менгира.

В Жанаркинском районе А. Х. Маргуланом было зафиксировано несколько камней со скошенным верхом, определённых как «бараньи» [5, с. 284, рис. 203]. «Бараньи» камни исследователь идентифицировал не только среди одиночных, но и среди групповых менгиров. К последним принадлежит стела из урочища Койшоки, в верхней части которой на обеих широких сторонах изображен круг [5, с. 358]. При документировании памятника в 2013 г. Ж. К. Курманкуловым и Л. Н. Ермоленко были выявлены четыре косые черты сверху обращённой к востоку узкой грани и горизонтальная линия, ограничивающая снизу «лицо». Наличие характерных признаков оленных камней на стеле из Койшоки, а также на менгире из группы I в долине Аксай [5, рис. 206], позволяет атрибутировать данные памятники как оленные камни общеевразийского типа [1]. К оленным камням этого же типа относится и «бараний камень» с р. Кенгир [5, рис. 212], что было установлено ещё Л. Р. Кызласовым [11, с. 25].

Менгиры, которые, согласно А. Х. Маргулану, изображают медведя и верблюда встречаются крайне редко. Наиболее реалистичным является *аютас* (каз. медведь-камень) из гор Бугулы (Шетский район) [5, с. 291, рис. 213], который находится в настоящее время в Шетском археолого-этнографическом музее. В форме камня, обнаруженного в урочище Бидаик (Актогайский район), А. Х. Маргулан уловил сходство с головой верблюда [5, с. 292, рис. 214- 1]. Выступающий из земли «двугорбый» камень в Аксу-Аюлы, исследователь также счёл изображением верблюда [5, рис. 214- 2]. Судя по рисунку «верблюжьей головы» и фотографии «горбов», обе «скульптуры», скорее всего, сотворены природой. Однако они могли порождать соответствующий образ в сознании древних людей, поскольку человеческому воображению свойственно ассоциировать по внешнему сходству объекты неживой природы с живыми существами, предметами, сооружениями и пр.

Форме менгиров А. Х. Маргулан придавал значение хронологического признака. Простые менгиры, представляющие собой «натуральные глыбы камня», он считал более древним типом, возникшим в неолите-энеолите, а зооморфные – более поздним, бытовавшим в бегазы-дандыбаевский и раннесакский периоды [5, с. 276 – 278, 285, 295]. Появление менгиров с полукруглым верхом, по мнению исследователя, совпало с переходом от эпохи бронзы к железному веку [5, с. 282].

В отличие от А. Х. Маргулана, В. Д. Кубарев считал все менгиры Центрального Казахстана ранними монументальными памятниками, справедливо предположив природное происхождение зооморфных экземпляров [9, с. 67, 68].

С. А. Ярыгин априори принимает предложенную А. Х. Маргуланом культурную атрибуцию зооморфных менгиров («койтасов») как памятников бегазы-дандыбаевской культуры (БДК) и их датировку эпохой поздней бронзы [14, с. 408]. Между тем из рассмотренных в главе «Культурные камни» книги

А. Х. Маргулана менгиров только один, упомянутый выше менгир из предгорий Актау (Сымтас), установлен непосредственно у сооружения, визуально определяемого как памятник поздней бронзы – курган-ограда [5, с. 283]. Датировка других конструкций – «большой ограды», возле которой стоит «бараний камень» в горах Бугулы [5, с. 283], «каменных выкладок», с которыми связаны два одиночных менгира (урочище Аккудук, долина р. Былкылдак) и группы менгиров Канаттас [5, с. 279, 281, 282], А. Х. Маргуланом не оговаривается. Менгиры Центрального Казахстана, конечно, ассоциируются с архитектурой БДК в силу мегалитичности, но это не отменяет необходимости разработки их хронологии. Учитывая приведенные выше сведения А. Х. Маргулана о нахождении в основании менгиров костей и угольков, датировка этих памятников может быть установлена с привлечением радиоуглеродного метода.

Справедливо констатируя принадлежность «койтасов» с кругами на боковых гранях к оленным камням, С. А. Ярыгин, судя по всему, распространяет это на все «койтасы БДК» [14, с. 410]. Более того, он высказывает предположение о том, что центрально-казахстанские «койтасы» «послужили прообразом для оленных камней, а через них для киммерийских стел» [14, с. 413]. Эта гипотеза, несомненно, требует обоснования с учётом высказанных другими специалистами мнений по проблеме происхождения оленных камней общеевразийского типа. Например, точки зрения В. Д. Кубарева о том, что традиция оленных камней через изваяния окуневского типа восходит к обычаю установки чашечных камней Алтая [8, с. 112], А. А. Ковалёва о прародине оленных камней, локализованной к югу от истоков Иртыша [2, с. 165] и т. д.

Возвращаясь к анализу работы А. Х. Маргулана, рассмотрим его позицию по вопросу происхождения антропоморфных изваяний. По мнению А. Х. Маргулана, самые ранние из них, очень условные, появляются в эпоху бронзы, точнее, в период андроновской культуры [5, с. 294, 295]. В качестве примера автор приводит группу небольших камней, найденных геологом Д. Х. Хайрутдиновым в горах Итмурынды (Северное Прибалхашье) в 20 км от рудных выработок андроновского времени [13]. А. Х. Маргулан дополняет информацию, содержащуюся в краткой публикации Хайрутдинова, уточняя количество камней (пять) и их местонахождение (около андроновского могильника) [5, с. 295]. Вкопанные камни, согласно Д. Х. Хайрутдинову, образуют полукруг (дугу), а по А. Х. Маргулану – меридионально направленную вереницу. На южной оконечности дуги-вереницы стоял самый крупный камень, высотой до 0,95 м, имевший вытянутую пирамидальную форму. В верхней половине грани, обращённой в южном направлении, выбиты три продолговатых горизонтальных углубления, расположенные параллельно друг другу. По предположению Д. Х. Хайрутдинова, углубления схематически воспроизводили детали лица – глаза, нос, рот [13, с. 85].

Собственно древние антропоморфные изваяния Сарыарки в работе 1979 г. А. Х. Маргулан не рассматривает, но в четвертом томе его «Сочинений», вышедшем в 2003 г., есть фотографии и рисунки из-

ваяний «дотюркского времени» («прототюркских») [6, с. 36, рис. 4, 8]. Так, в долине Аксай на р. Атасу исследователем зафиксированы два высоких (свыше 3 – 4 м) антропоморфных стеловидных изваяния. В верхней части одного из них, поваленного, изображено лицо [6, рис. 6-1 – 4]. Его детали – круглые глаза и брусковидный нос – изображены барельефом, образованным за счет оконтуривающего желобка. Рот передан углублением, желобком намечены нижние очертания лица.

Другое изваяние, названное «атасуская красавица» [6, с. 36, рис. 8-1 – 3], стоит, наклонившись назад. Вверху передней грани высечена личина с двумя вертикальными «отростками», отходящими, соответственно, от переносья и от подбородка. На боковой стороне головы выбит круг. С учетом того, что круг является атрибутом оленных камней, данное изваяние может быть причислено к антропоморфным оленным камням.

К антропоморфным оленным камням было отнесено Д. Г. Савиновым [12, с. 150 – 155] изваяние из долины р. Жангабыл, представленное различными описаниями и рисунками в работах А. Х. Маргулана [3, с. 31; 4, рис. 18] и Л. Р. Кызласова [10, с. 60, рис. 5, 6]. Атрибуция Д. Г. Савинова может быть поставлена под сомнение тем, что она построена на анализе только одной версии рисунка жангабыльского изваяния [1, с. 345]. И всё же она не может быть полностью отвергнута: такая деталь, как круг (кольцевидная серьга с подвеской), с уверенностью позволяет распознать в изваянии из долины р. Жангабыл оленный камень. Однако нахождение этой «серьги» на тыльной стороне головы противоречит определению жангабыльского изваяния как антропоморфного оленного камня и свидетельствует о том, что оно было переоформлено из оленного камня в антропоморфное. Очевидно, это случилось в сакскую эпоху, поскольку на фотографии изваяния из книги А. Х. Маргулана различим роговидный сосуд (ритон) [6, рис. 25-1]. Если наше предположение верно, то изваяние с р. Жангабыл является пока единственным в небольшой группе скульптур сакской эпохи, на котором изображён этот атрибут.

Таким образом, работы А. Х. Маргулана, посвящённые древним монументальным памятникам Центрального Казахстана, имеют несомненную источниковедческую ценность, особенно ввиду того, что не все памятники сохранились до нашего времени. Анализ изученности менгиров в трудах А. Х. Маргулана делает очевидной необходимость их целенаправленного исследования – картографирования, создания ситуационных планов и прочих видов документации в соответствии с требованиями современной полевой методики. Не менее важной задачей является датирование естественнонаучными методами, и уже на основе результатов всех этих работ можно детально разрабатывать типологию менгиров, вслед за А. Х. Маргуланом, и изучать в контексте научных проблем. Добавим, что целесообразность изучения «простых» менгиров, не сулящих исследователям сенсационных находок, обусловлена вероятной значимостью этих памятников для оставивших их древних обществ ввиду трудоёмкости процесса возведения, требовавшего коллективных усилий.

Литература

1. Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К. Олений камень из урочища Койшоки // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. науч. статей, посвященных 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. Астана: Сарыарка, 2014. С. 341 – 348.
2. Ковалев А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 138 – 180.
3. Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Известия Академии наук Казахской ССР. (Серия: Археологическая). 1951. Вып. 3. С. 3 – 52.
4. Марғұлан Ә. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары. Алматы: «Қазақстан» баспасы, 1966. Бет. 8 – 52.
5. Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 360 с. с ил.
6. Маргулан А. Х. Каменные изваяния Улытау // Сочинения: в 14 т. Т. 3 – 4 / сост. Д. А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. С. 36 – 136.
7. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1966. 435 с.
8. Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука СО, 1988. 173 с.
9. Кубарев В. Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ С000 РАН, 2009. 264 с.
10. Кызласов Л. Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // Известия Академии наук Казахской ССР. (Серия: Археологическая). 1951. Вып. 3. С. 53 – 63.
11. Кызласов Л. Р. К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. 1978. Вып. 154. Ранние кочевники. С. 25 – 30.
12. Савинов Д. Г. Об одной группе оленных камней // Маргулановские чтения: сб. материалов конф. Алма-Ата, 1989. С. 150 – 155.
13. Хайрутдинов Д. Х. Древнейшие каменные изваяния в Северном Прибалхашье // Вестник Академии наук Казахской ССР. № 4(181). Апрель 1960. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1960. С. 85.
14. Ярыгин С. А. «Койтасы» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакских культур степной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: мат. Междунар. науч. конф., посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. I. С. 408 – 416.

Информация об авторах:

Ермоленко Любовь Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, lyubov.ermolenko@mail.ru.

Lyubov N. Ermolenko – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Касенова Асемгуль Дауреновна – аспирант кафедры археологии КемГУ, asema_94@mail.ru.

Asemgul D. Kasenova – post-graduate student at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.